Может быть, дело в знакомости Конохи, в хорошо запомнившемся гуле чакры сотен шиноби, собравшихся вместе и более или менее умиротворенных, но Курама спит гораздо крепче и дольше, чем собирался. Когда он наконец открывает глаза, в окно проникает солнечный свет, и даже из-за стекла хорошо видна людская суета.

Сны - это слабая дрожь в его самообладании, кусочки горя и ужаса уже улетучиваются, и Курама тяжело вздыхает, откидывая волосы с лица одной слегка трясущейся рукой, когда садится. Большую часть последних ста лет своего существования он провел во сне - быть запертым в человеческом теле не так уж и увлекательно, - но если так будет продолжаться и дальше, он, пожалуй, забудет об этом совсем. По крайней мере, когда он бодрствует, он может отвлечься. Его бессознательный разум не так прост.

Вслед за этой мыслью приходит другая, к счастью, гораздо более радостная. Наруто где-то в Конохе, ребенок с солнечными волосами, небесно-голубыми глазами и улыбкой, теплее которой нет ничего на свете. Честно говоря, Кураме даже не нужно быть объектом этой улыбки - все, что ему нужно, это знать, что она настоящая, что она существует. Возможно, она уже никогда не сможет стать его, но...

Он не хочет думать об этом. Его решимость не ослабевает перед лицом последней улыбки Наруто, его последней просьбы, но... слишком много напоминаний, и он может дрогнуть. Слишком много напоминаний, и он думает, что просто... сломается.

Как люди могут быть такими слабыми, когда он знает, что они также могут быть невероятно сильными?

Но... Курама не может сдержать слабой улыбки, уткнувшись лицом в поднятые колени. Они могут быть сильными. Очень сильными. Этому его научил Наруто, который преодолевал все препятствия, возникающие перед ним, благодаря одной лишь решимости и силе воли. Несмотря на то, что Наруто был родоначальником, несмотря на его рождение, ему пришлось подниматься из ничего, из трясины дискриминации и ненависти, и там, где любого другого захлестнула бы тьма, Наруто вышел совершенно нетронутым. С истинным пониманием темных сторон человечества, с уникальной чувствительностью к чужим бедам, но... незапятнанный.

Сам Курама настолько мрачен, что от него так и веет злобой, потому что он такой, какой есть. Именно Наруто показал ему, что он может быть больше. И он им станет. Он будет играть героя, как хотел Наруто, хотя, как он подозревает, это будет ближе к версии Итачи, чем к версии Наруто. Он не создан для того, чтобы быть героем в центре событий, не совсем. Гордость, высокомерие и сила могут завести его так далеко, и хотя Курама обладает ими в избытке, ему не хватает других важных качеств. Сострадания, самоотверженности и способности любить так свободно.

Он любит Наруто. Любит Мудреца. Никому другому не удавалось добиться этого.

Но он любит Наруто. И сегодня - сегодня он наконец-то увидит доказательство того, что мальчик все еще жив.

Эта мысль приносит с собой легкость, всплеск решительного счастья, которого Курама не испытывал уже очень, очень давно. Она заставляет его встать с постели без колебаний, даже когда солнечный свет манит его просто понежиться в нем несколько часов. Он не надеется на многое - мельком взглянуть на Наруто, может быть, увидеть его улыбку, если очень повезет, - но... все будет лучше, чем то небытие, которое преследует его сейчас. Лучше, чем отсутствие, которое разъедает его нутро, как особо жестокая кислота.

Наруто был его первым другом. Мудрец был отцом, но... Наруто сам завоевал себе место в рядах Курамы, сам захотел, сам добился этого и не сдавался, пока Курама не признал его. Долгое время Курама был существом, которого все боялись, монстром, стихийным бедствием, бездумным зверем, которого нужно заковать в цепи и запереть, но... Наруто научился. Узнал, понял и освободил его, и, возможно, большая часть любви Курамы связана с благодарностью, но ему все равно. Он любит Наруто, и поэтому спасет его.

В животе снова заурчало, но Курама не обратил на это внимания, выскользнув из трактира в толпу людей. Солнце уже высоко над головой, больше половины неба, и осознание того, что он так долго спал, немного нервирует. Почти двенадцать часов, если прикинуть, и хотя это вряд ли можно назвать многолетним сном, как он иногда отдыхал, будучи биджуу, это долгое время. Время, которое он мог бы провести рядом с Наруто.

Толпа наседает во все стороны, поэтому Курама держится по краям, обходя тележки и небольшие группки неподвижных граждан. Несколько шиноби в гуще событий внимательно разглядывают его, проходя мимо, но Курама не обращает на них внимания, позволяя своим чувствам напрячься. В Конохе стоит подавляющий гул чакры, о котором он, честно говоря, уже успел забыть. Он не помнит, когда в последний раз ощущал столько шиноби в одном месте - года три, не меньше, - и сейчас это смущает.

И все же чакра Наруто уникальна, яркая и сильная, независимо от возраста, и до боли знакомая. Курама протягивает руку, охватывая деревню даже на ходу, и сосредотачивается.

Вот. Вот, словно внезапное мерцание зажженного костра, пламя вздымается к небу, а шальные искры уносятся ввысь, и джинчуурики Курамы наконец-то оказывается в фокусе.

Молодой. Он молод, так молод, пламя его чакры не разбавлено и едва тронуто, но Курама останавливается на краю улицы и закрывает глаза. Потому что просто почувствовать его, просто ощутить его - все равно что выйти из темноты и повернуться лицом к летнему солнцу. Потому что это Наруто, такой яркий и живой, и одно лишь прикосновение его чакры прогоняет воспоминания о падении знакомого тела.

Одно прикосновение, и все, о чем может думать Курама, - это жизнь.

Будь все проклято, но ты жив. Ты здесь.

Глаза снова горячие, а в груди, в районе сердца, ощущается странная зудящая боль. Курама обхватывает себя руками, пальцы с острыми ногтями впиваются в локти, но эта небольшая

боль ничего не значит.

Наруто жив. Он на полпути через всю деревню, его окружают такие же знакомые сигналы чакры, и хотя он молод, он не так уж и мал. Лет шесть, подумал Курама, если память его не подводит. Только поступил в Академию, только учится использовать чакру...

Академия.

Внезапно Кураме захотелось выругаться.

На улице нет ни одного ребенка. Раньше Курама не обращал на это внимания, ведь он так привык к тому, что на улице нет людей, но... он не видит и не слышит ни одного ребенка старше определенного возраста. Скопление сигналов чакры вокруг Наруто плотно упаковано, тесно сгруппировано, и это может означать только одно.

Проклятье. Он забыл, что у Наруто есть занятия. И, несмотря на частые пропуски, Наруто действительно чаще всего попадает на занятия. В конце концов, Ирука - это ужас, и он один из немногих, кого Наруто уважает настолько, чтобы слушаться.

Курама провел рукой по волосам и прислонился к углу здания за его спиной, раздраженно вздохнув, когда рыжие пряди снова упали ему на глаза. Это... не входит в его планы. Сейчас только час после полудня, а это значит, что ему еще как минимум два часа ждать, пока Наруто освободится. Он мог бы просто отправиться в Академию и попытаться заглянуть в окна, чтобы увидеть своего джинчуурики, но он уверен, что Хокаге воспримет это неправильно. Не говоря уже о том, что он будет чувствовать себя чертовым гадом, слоняющимся по школе в поисках взгляда шестилетнего мальчика.

Итак, у него есть несколько часов, чтобы убить их, хотя желание увидеть Наруто словно зудит под кожей. Несколько часов, проведенных в деревне, где живут лишь призраки, возвращенные к жизни жертвой Наруто, от нечего делать и от нарастающего внутри него беспокойства, которое при других обстоятельствах заставило бы его выкорчевывать деревья и разбивать валуны, просто чтобы выплеснуть разочарование.

На самом деле, это не такая уж плохая идея.

Ну. В общем-то, так и есть - он старается держаться в тени, и разрушение одного из тренировочных полигонов Конохи - не самый лучший способ сделать это, но Кураму это сейчас не волнует. Решив, он поворачивает...

И едва не врезается в стоящего прямо за ним человека.

http://tl.rulate.ru/book/105579/3762943